Карелин Л.

1986/V

1986.-19-25 мая. (№21) С. 20. Неделя

Мы заранее условились с Лазарем Викторовичем КАРЕЛИНЫМ, что говорить преимущественно будем не о литературе, не о проблемах писательского труда, а о делах весьма и весьма от него далеких. О торговле, ее людях. О назревшей необходимости коренной перестройки и этой сферы нашей экономики. И, конечно, о тех нравственных (или точнее — безнравственных) принципах, которыми руководствуются некоторые герои его романов «Змеелов» и «Последний переулок». Что заставило писателя обратиться к торговой теме? С этого вопроса и началась беседа.

Лазарь КАРЕЛИН:

«ЖИТЬ В ЛАДАХ СО СВОЕЙ СОВЕСТЬЮ!»

— У каждого писателя есть своя тема, каждый пишет о том, что его волнует. Почему именно об этом, а не о том, сказать бывает трудно... С первой, написанной много лет назад повести «Младший советник юстиции» меня интересовали лобовые столкновения человека с окружающим миром и такие общечеловеческие категории, как порядочность, честность, нравственность. Впрочем, не очень люблю последнее слово, по-моему, его уже затаскали. Так что лучше бы взять такое слово: совестливость. Тут нельзя не сказать, что живем мы в стране, которая издавна богата самой совестливой литературой в мире. Понятия чести, порядочности, совестливости всегда были и остаются в центре ее внимания.

Так почему же на этот раз именно торговля? Интересовал меня, разумеется, не торговый процесс. Торговля для меня была лишь фоном, той областью нравственных столкновений, в которой раскрылись мои герои. Да и написано в обоих романах непосредственно о торговле довольно мало. Ведь Павел Шорохов не столько торгует, сколько вытаскивает себя из былого. Ну, а когда роман вышел в свет, появилась большая читательская почта, и было много писем с вопросами — что же дальше? И я написал «Последний переулок», где показал второй, так сказать, эшелон — тех «крестных отцов», которые управляли и Шороховым, и Митричем. Тут меня иногда упрекают, что Рем Степанович, этот герой или, точнее, антигерой, получился слишком, как пишут мои критики, обаятельным. Что поделаешь, подобные люди бывают и такими. Бывают, конечно, и отвратительные, а бывают интересные, яркие, широкие, хлебосольные, умные. Впрочем, умные, как правило, все. Но тем они опаснее. Примитивный хапуга легко и быстро распознаваем. А вот с такими куда сложней. Как и почему он, Рем Степанович из романа «Последний переулок», переступил черту? Вседозволенность. Безнаказанность. Именно те недуги, о которых недавно с такой болью и силой говорилось с трибуны XXVII съезда.

— Но, читая ваши последние романы, ощущаешь серьезную «торговую эрудицию» автора. А ведь этот мир и особенно мир торгового преступления нелегко раскрывается постороннему глазу. Как вам удалось в него проникнуть?

— В работе над «Змееловом» мне очень помог Котов. Это реальный человек, с ним я был близко знаком. Крупная личность, но личность, заступившая черту. В прошлом действительно конструктор. Что-то у него в жизни не сложилось, сломало его что-то, и он решил: раз так, буду зарабатывать деньги, но, разумеется, большие деньги. Так возник конфликт с законом.

Итак, Котова я знал, а зная, угадал в нем вот такого молодого сильного Шорохова. Ведь Шорохов — это Котов в молодости. Если бы Шорохов не одернул себя, не вырвался бы, то и кончил бы примерно так же, как Котов. Таков был замысел, не знаю, в какой мере удалось его воплотить.

Но, разумеется, работа над материалом для романа не ограничилась лишь моим знакомством с Котовым. Еще со времен «Младшего советника юстиции» я часто бывал в атмосфере судов, в среде юристов. У меня много знакомых в этом мире. А что касается торговых работников, то с ними я поступал так: по одному приглашал их к себе домой, и мы много и долго разговаривали. Причем разговоры эти были предельно откровенными. Один мой вот такой «торговый» знакомый, с которым мы много раз встречались, даже предупредил: «Я тебе буду все рассказывать, а если потом ты на меня сошлешься, то откажусь. Заявлю, что ты просто с ума сошел. Ничего подобного я не говорил».

И он мне много рассказал. Главное, рассказал о психологии торгового преступления. Там основной принцип: замарать всех! Круговая порука «замара». Одного замарать деньгами, второго помощью, третьего или третью — сожительством и так далее. В общем, сделать так, чтобы все так или иначе причастные к преступлению уже не могли разорвать кольцо без риска очень много потерять. А чаще всего просто потерять свободу.

Это и есть принцип мафии. Мафии большой и мафии маленькой. Принцип преступной группы. И характерен он для любого группового преступления.

Что же касается «Последнего переулка», то там документализма еще больше. В основе образа Кочергина почти списанный человек. Я только добавил ему немножко из двух-трех других характеров. Ну, скажем, его любовь к собиранию картин.

● *Кадр из кинофильма «Змеелов».*

— После близкого знакомства с системой торговли не сложилось ли у вас впечатление, что в самой системе организации и экономики торговли далеко не все обстоит благополучно, что работники торговли подчас, помимо своего желания, вынуждены балансировать где-то на грани закона?

— Правильно. Очень хороший вопрос. Я уверен: многие беды людей, работающих в торговле, — это беды, в которых они изначально не были виноваты. Чем больше я узнавал торговлю, тем больше убеждался, что она у нас просто скверно организована. Часто, чтобы их дело двигалось дальше, торговым работникам приходится платить. Причем платить из собственного кармана. Примеры? Сколько угодно. Это и пресловутая погрузка-разгрузка. Ну, да бог с ней. Ломается оборудование, выходят из строя холодильники, портятся товары. Списать потери невозможно. Проще вынуть пятьсот рублей из кармана и заплатить. Что директора магазинов, кстати, часто и делают. Но, заплатив свои деньги, человек как бы получает индульгенцию на оплату последующих грехов. Ну, а раз заплатил «свои» деньги, то почему бы их не восполнить? Такой ход мыслей. И, как ни парадоксально, именно слишком большая опека, слишком большой контроль, огромное количество всевозможных инструкций, на мой взгляд, и дают повод и возможность для злоупотреблений. Именно в этой бесконечной путанице ловкие люди и находят удобные лазейки.

Так что же надо сделать? Об этом меня часто спрашивают на читательских конференциях. Но я не специалист в области организации торговли и могу ответить только так: надо всерьез заниматься этой проблемой. Не говорить о ней, а заниматься. Привлекая для ее решения и опыт других социалистических стран. Скажем, Венгрии. При этом, разумеется, бездумно, механически перенимать его нельзя. Мы — большая страна со своей спецификой и своими условиями. Я бы, скажем, предложил решительно сократить огромное количество работающих за прилавком. Особенно в промтоварных магазинах. Их полно, милых девушек, скучающих за прилавками или в ожидании дефицита, чтобы честно его купить и отправиться домой, девушек, живущих ожиданием сказочного принца, который придет в их магазин, увидит, полюбит и позовет замуж. Но ведь надо делать дело, а не ждать принца.

Может быть, даже стоило бы сократить наполовину, а оставшейся половине существенно увеличить зарплату. Увеличить так, чтобы у людей в торговле возникло ощущение материального благополучия. Сто рублей, которые получает сегодня продавец невысокой квалификации, для того чтобы дорожить этой работой, очевидно недостаточны. Но вместе с тем установить строжайшее правило: человека, уличенного в нечестном поступке,— из торговли вон! Не суд, не такое страшное, особенно для женщины, наказание, как заключение, а именно «черный билет»! Ведь когда женщина попадает в заключение даже на два, три года, разрушается семья, страдают дети. Кстати, в конце концов, как мы видим, она опять возвращается в торговлю. Так что все это просто по-государственному невыгодно. Лучше прогнать нечестного, грязного на руку человека из торговли. Пусть работает где угодно — на производстве, в строительстве, дворником, но только не в торговле. Работает, а не сидит за решеткой в великий ущерб семье, детям, которым нужна мать.

И вот если молодая продавщица будет знать, что рискует навсегда потерять работу, где хорошо платили, где была сфера ее профессиональных интересов, она, как мне кажется, сто раз подумает, стоит или не стоит «тащить». Предложение это кажется простым, но если его претворить в жизнь, оно может оказаться решающим. Все это относится не только к торговле. Людей, нарушивших медицинскую этику, из медицины — вон! Так же и работников юстиции, литераторов, учителей. Не может быть учителем человек, берущий взятки у родителей своих учеников, как не может быть критиком критик солгавший. А такие у нас, к сожалению, есть. Когда какой-то крупный артист или художник лжет со сцены, он ничем не отличается от работника торговли в самом скверном магазине. Тот и другой — родные братья. Только один принародно лжет, а другой тайком, из-под прилавка ворует у нас мясо. Один делает это «красиво», декорируя разными замечательными словами, а другой с угловатостью неотесанного человека. Но перед понятиями чести, достоинства, совести это одно и то же. И никаких послаблений, никаких амнистий. Нарушение законов профессии сродни предательству. А предательству амнистии нет.

Надо жестко сказать — ты работаешь в своей профессии, пока ты честен.

— Среди работников торговли у вас есть немало оппонентов, которые считают, что публиковать романы «Змеелов» и «Последний переулок» не стоило. И так, мол, у покупателей присутствует повышенный (они даже говорят: недоброжелательный) интерес к торговле, и не стоит его разжигать. Что бы вы ответили на это?

— Создав образ Шорохова, я, по-моему, польстил работникам торговли. К сожалению, не все это поняли. Ведь если есть в торговле такие Шороховы, то честность там безусловно восторжествует. А что до оппонентов, то логика их знакома. Не надо идти к врачу, если болят зубы. Не надо делать операцию, если воспалился аппендикс. Надо замалчивать, замалчивать и замалчивать. Так до срока вгоняют себя люди в болезнь. Это и есть то самое, против чего ведет сейчас наступление наша партия, то есть чтобы замалчиванием мы не обостряли общественные недуги. Сила наша, не раз подчеркивал великий Ленин, заключается в честности, в том, что мы не боимся говорить правду... Те, кто ее замалчивают, — люди больные, те, кто ее говорит, — потенциально здоровы.

А торговые работники, которые тут чего-то стесняются, очевидно, просто не в ладах со своей совестью. Им бы хотелось, чтобы все было тихо. Так же хотелось тишины сотрудникам милиции в Азербайджане, которых уличили во взятках. Так же хотелось тишины и работникам в Узбекистане, которые занимались махинациями с хлопком, да и многим другим. Любители тишины — это любители делать темные дела в безгласности. Между тем гласность и правда — основа основ всякого здорового общества. И особенно нашего, социалистического. Сегодня надо говорить и говорить всю правду. Еще честнее, еще откровеннее и жестче. И я уверен, значительная часть торговых работников, которые сегодня недовольны «Змееловом», если в них заложена основа честная, со временем сами почувствуют, что правда и им помогла. Спокойней спать ведь будут эти люди. Возможно, и есть некоторое удовольствие, когда что-то немножко подворовываешь, но кончается сон и наступает страх. Вечный страх. Наступает постоянная зависимость от напарника, от этой цепной реакции мелких, а иногда и крупных жуликов. Это отвратительное, недостойное человека состояние. И бороться с ним можно только правдой, только честностью, личной, подчеркиваю, личной совестливостью. Во всех областях только правда, только честность создает нормальную, достойную жизнь, ощущение того, что человек живет смело и свободно. А этому нет цены. Это дороже всех украденных и прикарманенных денег.

— Собираетесь ли продолжить разговор о торговле?

— О торговле нет. В романе «Последний переулок» я окончательно точно сказал, что Павел Шорохов действительно погиб.

Что же касается другой работы, то сейчас я закончил новый роман. Герои его — работники юстиции и дипломаты. Так у меня совпало. И опять в центре внимания — честность, ошибка, преодоление ошибки, борьба с косностью.

Беседу вел
А. ДАЦКЕВИЧ.